

полития

Л. Е. Бляхер
**РОССИЯ, 90-Е ГОДЫ:
 МЕТАМОРФОЗЫ
 СТАНОВЯЩЕЙСЯ ПОЛИТИИ¹**

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК (проект № 21-512-23004).

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть эпоху 1990-х годов через призму коммуникации в системе «центр — регионы». Сама эта эпоха трактуется автором как особое, хаотическое, состояние. Политические структуры и инструменты, доставшиеся новой России в наследство от советских времен, не исчезли, но утратили основание (каковым выступала модель Русской власти, описанная Юрием Пивоваровым), перешли в режим автономного дрейфа по несогласованным траекториям. Новое же основание («путь цивилизованных стран») вступало в противоречие с самими структурами и инструментами. Ситуация усугублялась тем, что отказ от этого основания лишал легитимности политический центр, который воспринимался и легитимировался в качестве драйвера перехода от социализма в мир «цивилизованных стран». Как показано в статье, именно в пространстве диалога (торга) между центром и регионами происходило совмещение принципов Русской власти и нового легитимирующего основания, идущего от «цивилизованных стран».

Выделяются три этапа такого диалога. На первом этапе приспособление отсутствовало, а диалог заканчивался силовым противостоянием. В результате возникали две непересекающиеся реальности — реальность правовых норм и деклараций и реальность выживания. На втором этапе, обозначенном автором как «укрощение Европы», собственно, и произошло соединение демократических процедур с практиками Русской власти и воссоздание на региональном уровне раздаточной экономики. При этом двойная легитимность региональных владык — от регионального сообщества и от федерального центра — связывала территорию страны гораздо надежнее, чем силовые структуры или будущие «скрепы». Последний этап, который обычно выводят за пределы девяностых, связан с перемещением практик, сложившихся в регионах, в центр. Однако, по заключению автора, это не завершение учредительной эпохи и оформления политики, а продолжение поиска.

Ключевые слова: политика, учредительная эпоха, трансцендентные основания, хаос, коммуникация-поиск, Русская власть, 1990-е годы

Когда порвутся бусы наших лет,
 Рассыпавшись притертыми годами...
Ирина Батраченко

Кто я? Как я пришел сюда? <...> Что это — сюда?
 Что это за огромное предприятие такое, которое они называют
 реальностью? <...> Где директор? Никакого директора нет?!
 К кому же я обращусь со своей жалобой? Могу ли я добиться,
 чтобы моя точка зрения была принята к рассмотрению?
Сёрен Кьеркегор. Диалектическая лирика

Взгляд на любое сложное политическое явление всегда в чем-то подобен представлению одного из слепцов, решивших узнать, что такое слон. И дело здесь не столько в политической ангажированности смотрящего, даже если этот смотрящий — исследователь, сколько в том, что и исследователь, и просто член сообщества смотрят на большое явление, тем более на учредительную эпоху, когда меняются сами основания социального и политического бытия, из вполне определенной точки. Причем принципиальное значение здесь имеет даже не географическая локализация этой точки, но тот политический смысл, которым она наделена, ее место в политическом пространстве.

Статья Святослава Каспэ, помещенная в этом же номере «Политии»², рассматривает ситуацию из политического центра. Подобный подход полностью оправдан. Именно в политическом центре генерируются и/или артикулируются смыслы, которые позже транслируются на периферию политической конструкции, особенно когда речь идет о политической конструкции империи³. Более того, в сложившейся традиции политического анализа эта точка — вернее, выстраиваемая из нее оптика — часто оказывается единственной. Вне зависимости от своего пространственного (географического, физического) расположения (места проживания) исследователь стремится «смотреть из центра», поскольку именно там его штудии обретают подлинный вес⁴. Местное же предстает лишь частным модусом тех смыслов, которые рождены в центре.

В принципе такая позиция в большинстве случаев правомерна. Империя моноцентрична и иерархична, а периферия выступает здесь только реципиентом и ретранслятором смыслов, исходящих из центра. Однако в ситуации учредительной эпохи, к каковым, несомненно, относятся «длинные девяностые годы», дело обстоит иначе. Ибо учредительной эпоха становится именно потому, что «живет» между политическими. Прежний порядок, прежняя иерархия пространства разрушены или, по крайней мере, поколеблены. Новый же порядок должен возникнуть по итогам эпохи.

В этот момент периферийная позиция и перестает быть подчиненной, перестает быть частным случаем, а становится именно исследовательской позицией, позволяющей дополнить взгляд из центра

(бывшего или будущего). Ведь поиски новой политики, попытки ее создания в эту эпоху идут по всему пространству, ввергнутому в состояние «между». И результат этих поисков — новая политика — образуется и под действием периферийных сил. На каком-то этапе эти силы могут уйти из видимого политического пространства, исчезнуть в области непоименованного. Но при малейшем ослаблении центра они, эти пласты реальности, вновь выходят на поверхность, каждый раз оказываясь непонятными и неожиданными для «центрального» наблюдателя⁵.

⁵ Чмель, Климова и Митрохина 2020; Бляхер и Ковалевский 2020.

Чтобы объяснить «местные», локальные всплески политической активности, нужен иной — периферийный — угол зрения. Точнее, взгляд, при котором учреждение российской политики рассматривается не с позиции бывшего центра. Вполне понятно, что итоговая картина при этом будет несколько отличаться. Прежний (и будущий) центр лишается здесь доминирования, становится одним из источников смыслов, наряду с другими. А результат возникает как переламывание или согласование смыслов, идущих из разных источников. Разумеется, эта позиция отнюдь не совершеннее остальных. Но она дополняет их, делает наше восприятие эпохи более объемным.

Зафиксировать картину девяностых из этой точки я и попытаюсь в настоящей статье. Однако начать стоит с того, чтобы хотя бы эскизно описать само пространство «между политиями».

Хаотическое пространство и коммуникация-поиск

Сегодня 1990-е годы в России выполняют функцию политического жупела, который своим существованием легитимирует действующий политический режим⁶. От «лихих девяностых», «проклятых девяностых» отталкиваются идеологи, политики, журналисты. Сформировалось и альтернативное восприятие, рассматривающее этот период как самое свободное, по сути, единственное свободное десятилетие в новейшей истории России⁷. Вслед за Ольгой Малиновой можно констатировать, что к настоящему времени сложился устойчивый и организованный дискурс, связанный с первым постсоветским десятилетием⁸. Он почти полностью заслони от взгляда исследователя события заклеянной эпохи. Конечно, частные аспекты этого периода вполне могут быть исследованы и описаны⁹. Но при генерализации своих воспоминаний или отдельных описаний исследователь, да и любой социальный агент, автоматически воспроизводит один из вариантов дискурса об эпохе. Все, что не вписывается в него, просто выталкивается в область непоименованного, воспринимается как случайное, частное.

⁶ Гуров и Квитчук 2007.

⁷ Зоммербауэр 2018.

⁸ Малинова 2019: 104.

⁹ См., напр. Клисторин 2014.

Данное положение дел приводит к тому, что учредительная эпоха *per se* не столько подвергается исследованию, сколько помещается в рамки того или иного сложившегося дискурса. Исследуются, как правило, либо предпосылки, которые привели к этой страшной/прекрасной эпохе, либо ее наследие, i.e. ситуация «до» и «после». Сама же эпоха отдается на откуп публицистике, более или менее талантливо артикулирующей один из оформившихся вариантов самоописания¹⁰. То, что это

¹⁰ Любичанковский 2018.

самоописание не уменьшает, а увеличивает пласт подлежащего исследованию, как-то выпадает из поля зрения.

Подобная ситуация связана не только с наличием устойчивого дискурса, «заколдовывающего» взгляд смотрящего. Во многом сама способность публицистов и политиков сгенерировать однозначное описание девяностых, то есть выполнить работу философов и ученых, определяется специфическим отношением обществознания, включая политическую и социальную философию, к кризисным и переходным эпохам, к которым относится и указанный период.

Социальная мысль от немецкой классической философии до наших дней описывала общественный порядок, некоторый набор устойчивых и воспроизводимых структур (действий, практик, институтов). Именно для решения этой задачи и формировался исследовательский инструментарий, концептуальные основания описания. Кризис здесь рассматривается в качестве исторически мгновенного перехода от одного устойчивого состояния к другому (скачок, революция). В момент, когда предпосылки кризиса и условия выхода из него описаны, сам кризисный период становится поступательным движением из точки «а» в точку «б», перестает быть объектом самостоятельного изучения¹¹. Все порожденные кризисом варианты и возможности развития, как и сам механизм их порождения, при взгляде из будущего просто исчезают, превращаются в нечто интересное лишь литературе в жанре альтернативной истории. Их никогда не было. В лучшем случае они описываются в виде флуктуаций, сглаживаемых в процессе движения к конечной цели.

Но при таком подходе за пределами анализа остается вопрос о том, как появилось то, что мы числим наследием кризисных времен, почему появилось именно это, а не что-то иное. Как вообще возможно это новое? Ведь каждый из живущих входит в плотно оговоренный¹² мир, причем оговоренный до него. В этом мире любое новое можно сопоставить с чем-то уже имевшимся или имеющимся. Но тогда оно отторгается как избыточное — я это уже знаю. Если же такого отождествления не происходит, новое предстает несуществующим — я его не могу усмотреть. Не случайно лидеры, совершавшие в учредительные эпохи подлинные новации, чаще всего осмыслили их как возрождение чего-то, бывшего ранее. Скажем, отцы-основатели США мыслили свои действия в терминах Римской республики. Потому для учредительных эпох не находится иного языка, кроме языка, фиксирующего распад. В этом и кроется одна из причин невысокого интереса к подобным периодам. Для того чтобы увидеть эту эпоху, нужно пустое пространство, куда новое могло бы встроиться.

Другая причина относительно слабого внимания к учредительным эпохам заключается, на мой взгляд, в том, что при описании кризисных состояний так или иначе предполагается, что созидательная работа кризиса идет рука об руку с деструктивной. Соответственно, и изучения заслуживает либо то, что было раньше, но подверглось деструкции, либо то, что получилось в результате.

¹¹ Одним из многих исключений является эссе Бориса Капустина о Великой французской революции, где предпринята попытка описать внутренние механизмы самого «скачка» (см. Капустин 2010).

¹² Термин Михаила Бахтина (см. Бахтин 1986: 21—26).

Однако так бывает далеко не всегда. Гораздо чаще мы сталкиваемся с ситуацией, когда прежнее здание разрушено, а новое еще не возведено. Более того, не вполне очевиден сам проект нового здания. Этот проект понятен потомкам, а *posteriori* оценивающим прошлое. Для современников же он меняется в процессе строительства, точнее, в процессе обживания мешанины, образующейся из руин рухнувшего строения и неудачных попыток создать новое. Такое положение дел я некогда обозначил как хаотическое состояние¹³. В подобном пространстве и формируются пустоты, способные воспринять нечто прежде отсутствовавшее. Оно возникает не как чей-то проект, а как случайное совмещение многих проектов, осколков прежней целостности.

¹³ См. Бляхер 2005.

По сути, речь идет о совместном, но не организованном бытии людей, корректнее сказать, о бытии людей, социальные и политические основы совместного проживания которых утратили свою целостность, подверглись деструкции. Но эти основы не только предмет спекулятивных рассуждений на конференциях или за чашечкой кофе, это сущностная потребность, форма социального бытия человека. Без них под вопросом оказываются и коммуникация в рамках воображаемых сообществ, и совместная деятельность, да и сам социальный агент, его выживание.

Ввергнутый в хаотическое состояние человек стремится компенсировать обнаружившуюся ущербность. Он ищет группу, в которой возможно обретение желаемой статусной ренты, воссоздание наглядной картины мира, intersubъективной реальности. Человек направляет сигналы, репрезентирующие в его глазах те ценности, действительность которых он хотел бы подтвердить, образ той реальности, в которой он хотел бы существовать. При этом сами ценности, составляющие смысл сигнала, выстроены иерархически. Не найдя подтверждения сверхценности (нет настоящих демократов, умер Махатма Ганди), агент начинает искать подтверждение ценностей более низкого порядка. Настоящих демократов нет, но зато, наверное, есть ситуативные. Сверхценность откалывается «на потом». Ведь на кону стоят даже не амбиции или заглавные желания, а выживание.

Такая разнонаправленная коммуникация-поиск составляет пространство хаоса. Наталкиваясь в ходе коммуникации друг на друга, совмещаясь друг с другом, осколки былой intersubъективности, репрезентирующие в сознании людей социальный универсум, порождают некий «третий» образ социального мира, «мировую линию» (в терминологии Яакко Хинтикки¹⁴), способную, пусть на время, обеспечить возможность социального контакта и интеракций. Эта «мировая линия» может оказаться разовой и распасться, если обнаружится, что «осколки» в сознании людей репрезентируют слишком разные картины мира. Но бывает и иначе.

¹⁴ Хинтикка 1980: 217.

Если значимость коммуникации, обретенной intersubъективной реальности выше значимости «отложенной ценности», случайный контакт вполне может перерасти в стабильную конструкцию, стать ядром

формирования сообщества. Хотя может и не перерасти, столкнувшись с ценностным конфликтом или иным, более устойчивым сообществом.

В конечном счете здание, конечно, будет возведено. Вот только облик этого здания едва ли будет иметь конкретного автора, соответствовать первоначальной цели модернизации. Разумеется, индивидуальные стратегии и стратегии политических групп — вещи далеко не идентичные. Однако именно в период «между» они начинают сближаться. Ведь деструкции подвергаются не только статусные характеристики, стратификация и картина мира индивида, но и политическая система. Она тоже оказывается «между», утрачивает основание, даже если сами элементы ее сохраняются.

Все вышесказанное имеет прямое отношение к происходившему в девяностых. В связи с этим в настоящей статье меня будет в первую очередь интересовать не их наследие, а сам процесс взаимного приспособления-поиска, протекавший в тот период. Понятно, что поиск этот был более или менее всеобщим, поскольку всеобщей была и деструкция. Конечно, кто-то обрел искомую стабильность, просто покинув хаотическое пространство. И речь здесь даже не об индивидуальной миграции в благополучные страны. Так, новые государства Балтии смогли избавиться от хаоса, встроившись в другую империю — Европейский союз. Однако подобный путь оказался доступен далеко не всем, в том числе и России¹⁵. В результате возникло гигантское и крайне гетерогенное пространство, на долгое время «зависшее» между отвергнутым прошлым и желаемым будущим.

Безусловно, в рамках журнальной статьи рассмотреть все аспекты, все варианты поиска политических «резонирующих сознаний» (способных подтвердить политическую идентичность) заведомо невозможно. Я остановлюсь на одном, но, как мне кажется, крайне важном сюжете — коммуникации «центр-периферия». Этот сюжет тем более значим, что, по меткому замечанию иркутского историка Михаила Рожанского, перестройка, как и последовавшие за ней события, были во многом «революцией провинциалов»¹⁶. О перипетиях этой «революции» и пойдет речь дальше.

¹⁵ Каспэ 2008;
Каспэ 2020.

¹⁶ Рожанский 2013.

**«Первые
девяностые»:
похищение
Европой**

Период перестройки второй половины 1980-х годов и первые постсоветские годы прошли под знаком более или менее повсеместно разделяемого представления о необходимости трансформации (демонтажа) советской системы¹⁷. Мотивы возникновения этого представления и формы его реализации в социальных и политических практиках, естественно, различались, но само ожидание перемен было предельно массовым. Очарованность Европой, Западом распространялась со страниц крупнейших журналов, с экранов кинотеатров и первых видеосалонов. В противовес классическому мифологическому сюжету, Европа не была похищена, но сама похитила души и чаяния своего бывшего антагониста.

¹⁷ Мунтян 1993.

В рамках «нового мышления» происходил постепенный отказ не просто от тех или иных структур, образующих политическое тело СССР, но от того трансцендентного основания, которое собирало это тело, а именно от сакрального права руководства КПСС служить посредником между текущей ситуацией и «объективными законами истории».

¹⁸ Пивоваров 2001.

В свое время Юрий Пивоваров ввел термин «Русская власть»¹⁸. Речь шла о воспроизводимых в разные периоды, в разных условиях принципах организации политического на просторах богоспасаемого отечества. В качестве ключевого принципа такой организации выдвигалась специфическая легитимация власти, при которой легитиматор находится за пределами гражданского коллектива и никак не подконтролен ему. Не так важно, кто именно выступает легитиматором — монгольские боевые отряды, Бог или «объективные законы истории». Главное, что этот легитиматор трансцендентен, а единственным посредником между ним и социумом, по сути дающим социуму санкцию на существование, является власть, которая при этом сама дистанцирована от общества и какой-либо возможности общественного контроля, сакральна и представляет собой имманентный атрибут трансцендентного основания общества. В этом плане власть в СССР полностью следовала данной традиции.

¹⁹ См. Бессонова 2006.

Не менее значим, однако, и другой параметр Русской власти, впервые отмеченный Ольгой Бессоновой¹⁹. В отличие от «стационарного бандита» Мансура Олсона²⁰, чья власть базируется на изъятии благ в обмен на «производство порядка», в России власть строилась скорее на раздаче. Ведущая, наиболее доходная форма деятельности (набег, взимание дани или транзитных пошлин, добыча того или иного сырья и т.п.) объявлялась государственной монополией. Другие виды хозяйственной активности делегитимировались, вытесняясь в «серые» зоны, а если и допускались, то под жестким контролем власти и в крайне ограниченных масштабах. При этом сами занятые в этих сферах наделялись низким социальным статусом (как, например, колхозники и кооператоры в СССР). Для остальной же части общества действовала система раздачи, размеры которой определялись близостью к власти, важностью (для власти) осуществляемой деятельности и т.д. Эта модель тоже была воспроизведена в СССР.

²⁰ Олсон 2010.

Но в какой-то момент эта версия Русской власти стала утрачивать целостность, размываться. Уже в 80-е годы XX в. государственная раздача начала все заметнее уступать место благу, неформальным связям и т.д. Под сомнением оказались и «объективные законы истории», точнее, монопольное право КПСС на их трактовку. Появился запрос на новую трансценденцию, которая позволила бы достроиться власти.

За период, охватывавший вторую половину 1980-х — начало 1990-х годов, представления о трансценденции, которая могла бы прийти на смену «объективным законам истории», претерпели довольно серьезные изменения — от «возвращения к ленинским принципам» до «пути цивилизованных стран»²¹. Собственно, здесь тоже просматривается

²¹ Назаров 1992.

не столько сознательная трансформация, плод социального и политического конструирования, сколько проявление коммуникации-поиска — поиска того пространства, в рамках которого посылаемый сигнал («новое мышление», прекращение конфронтации и т.д.) был бы адекватно воспринят. В «цивилизованных странах» и была обретена (или показалась обретенной) новая трансценденция, отношения с которой должно было выстраивать руководство страны. Однако обнаружилось, что эта трансценденция — весьма ревнивое божество, требующее жесткого соблюдения целого набора заповедей.

Помимо всего прочего новый символ веры, полнее всего запечатленный в тексте Конституции РФ, предполагал иную, отличную от советской форму организации экономической сферы. Он предполагал рыночные отношения, противопоставляемые отброшенному плановому хозяйству (раздаче). Между тем инструменты управления экономикой, инструменты принуждения к исполнению правил (контрольные органы, силовые структуры и т.д.) были полностью унаследованы новой Россией от прошлого. Ориентированные на регулирование и контроль над раздачей, они просто были не в состоянии организовывать деятельность в сложившихся условиях. Это стало одной из причин (конечно, не единственной) деградации экономики. И «старая» (плановая), и «новая» (рыночная) экономика оказались лишены энфорсера.

Не менее сильным было социальное потрясение. После вступления в силу принятого 19 ноября 1986 г. закона «Об индивидуальной трудовой деятельности» в стране появились новые легальные хозяйствующие субъекты. И дело даже не в том, что «кооператоры» второй половины 1980-х годов и пришедшие им на смену «новые русские» были невероятно богаты. Объем благ, которым располагали высшие партийные и советские руководители советского периода, был существенно больше. Но новые богатые были «неправильно» богаты. В глазах общества они не имели легитимного права на богатство, поскольку то оправдывалось сугубо экономически (идеями введения рыночных отношений) и не было связано со статусом или значимостью выполняемой социальной функции, с близостью к власти. Сам факт наличия таких богатых обесценивал статусы, сохранившиеся от прежней социальной структуры, — партийные, академические, административные и т.д.

Еще более сложным было восприятие того обстоятельства, что в новых условиях у власти отсутствовала монополия на взаимодействие с трансценденцией, интерпретацию идущих от нее сигналов, выдачу санкции на существование остальной части общества. Не соответствовала логике Русской власти и процедура конкурентных выборов, в рамках которой легитиматором оказывалась не непостижимая для простых смертных трансценденция и даже не трансцендентный народ, а вполне посторонние избиратели. Власть утрачивала дистанцированность, попадала в зону «фамильярного контакта» (термин Бахтина²²), то есть могла быть оценена и оспорена, а не только низвергнута из трансценденции.

²² Бахтин 1986: 86.

Соответственно, складывались две автономные реальности. Первая, полностью вписывавшаяся в то, как политические деятели тех лет представляли себе «цивилизованные страны», закреплялась в законах и указах, транслировалась в политических речах. Эта («правильная») реальность выступала не столько как данность, сколько как желаемое состояние, к которому нужно стремиться. Вторая реальность — новые структуры, возникшие на территории страны в ситуации отступления государства, — по существу, и была попыткой Русской власти приспособить к себе, «обжить» катастрофические для нее условия, выдвигаемые новой трансценденцией. Она тоже порой прорывалась в законодательные акты и политические речи, но чаще жила в подзаконных нормах, в системе неформальных договоров.

Проблема усугублялась тем, что для федерального центра отказ от этой трансценденции был равносителен самоубийству. Именно то обстоятельство, что «центр» осмыслялся в качестве лица (в нашем случае Бориса Ельцина), возглавляющего движение в направлении «цивилизованного мира», легитимировало его право на власть. Это и отличало Ельцина от других президентов новых государств, выполнявших несколько иные функции. Так, скажем, Нурсултан Назарбаев был не столько лидером «демократического» или «цивилизационного» транзита, сколько символом «многонационального Казахстана», противостоящего попыткам растащить республику на национальные или политические клочки²³.

²³ Назарбаев 1993: 2—3.

Идущие из регионов попытки легально согласовать эти реальности в рамках федеративного договора были жестко пресечены в 1993 г. Сам договор оказался отчасти плодом теоретических усилий столичных политиков, отчасти результатом их торга с конкретными представителями исполнительной власти субъектов РФ²⁴. Собственно, эти попытки тоже были продуктом «неправильной» трансценденции, понятой как возможность выстроить посюстороннюю власть.

²⁴ Солник 1995.

Их подавление запустило крайне важный процесс. Символ веры, заданный из трансценденции «цивилизованных стран», обживался, исходя из логики Русской власти. Победа «центра», победа принципов Русской власти была закреплена в президентском указе «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 1993 г. Впрочем, «регионобязнь» сохранилась. Любые горизонтальные связи между регионами («Сибирское соглашение», Ассоциация «Дальний Восток и Забайкалье» и т.д.), порожденные кратким периодом «некритического» введения демократии в стране, старательно делегитимировались.

В этой ситуации началось «обживание» введенной извне нормы, внедряемого символа веры уже со стороны регионов. Население России пыталось обжить руины СССР, обвешанные яркими плакатами о новой стране. Прежде всего обживался «рынок», поскольку именно от него зависела возможность прокормиться. Понятно, что использовался главным образом «подножный корм». Для каких-то регионов (в основном

приграничных) источником такого корма стало «челночное движение» и трансграничная торговля, для каких-то — разнообразные промыслы, описанные Симоном Кордонским и его коллегами²⁵. Периферийные, маргинальные для предшествующей системы формы деятельности перемещались в федеральный центр²⁶.

²⁵ Кордонский и др. 2011.

²⁶ Зимица 2004.

Победив в столичной борьбе, федеральный центр и властью обладал преимущественно в столице. За ее пределами пространства легальных норм и живой жизни, в том числе властно-силовые, почти не пересекались. Главная функция государства — функция энфорсера — попросту не выполнялась. Во всяком случае, она не выполнялась по отношению к большей части населения. Здесь и начали всплывать разнообразные, не обязательно откровенно криминальные «крыши», взявшие на себя принуждение к исполнению правил. Именно они занялись обеспечением транзакций и соблюдения договоренностей, приняв на себя роль третейских судов²⁷.

²⁷ Бляхер 2017: 26—31.

Причина, по которой такой поворот событий стал возможным, достаточно очевидна. Новая экономика (рыночная, прогрессивная и т.д.) возникала в тот период либо через приватизацию части «советского трофея» (там, где было что приватизировать), либо посредством легализации прежней советской «теневого экономики». Если первая группа хозяйствующих субъектов часто ориентировалась на легальную власть, тем самым способствуя — с разной степенью успешности — сохранению ее реликтовых форм, то вторая, изначально лишенная возможности задействовать легального энфорсера, продолжала пользоваться услугами тех неформальных структур, на которые опиралась в советский период.

Были ли эти структуры («крыши») политическими, вопрос дискуссионный. Впрочем, однозначно отводит им эту роль только, пожалуй, Вадим Волков в «Силовом предпринимательстве»²⁸. Я же склонен видеть в них не столько политический феномен, сколько реакцию населения на отсутствие государственного энфорсента, точнее, на превращение политического насилия в насилие структурное, то есть нелегитимное или не вполне легитимное²⁹. Подобное превращение и породило потребность в силовой прослойке, в функции которой, помимо энфорсента, входило бы решение проблем с легальной, но нелегитимной властью, отдельные части которой действовали все менее согласованно.

²⁸ Волков 2005.

²⁹ См. Алексеевкова 2006: 8—11.

Строго говоря, в начале 1990-х годов выживавшее население не особенно нуждалось в политической власти. Ни в пространстве промыслов, ни в пространстве дележа «советского трофея» не оставалось места не только для Русской власти, но и для политической власти *per se*. Думаю, что именно воспоминания о тех временах и послужили источником родовой травмы российского политического класса, породившей устойчивый дискурс об угрозе распада России. В принципе, вероятность такого развития событий была в тот период не слишком велика, поскольку, в отличие от национальных республик СССР, в России отсутствовал заинтересованный в этом социальный слой. Региональная

бюрократия, вновь вознесенная наверх упомянутым выше указом президента, видела в центре ту самую легитимирующую трансценденцию, которую центр видел в «цивилизованных странах».

Можно сказать, что в рассматриваемый период классическая Русская власть оказалась «похищена» новой трансценденцией. Это «похищение» и свергло общество в состояние хаоса, запустив коммуникацию-поиск, коммуникацию-приспособление, которая, в свою очередь, вызвала к жизни мощный механизм, позволивший организовать власть таким образом, чтобы она могла «приручить» нововведения, изменить-ся, оставаясь неизменной.

**«Вторые
девятьности»:
приручение
Европы**

³⁰ *Balsamo and Carpozi 1988.*

Как бы то ни было, «крыши», взявшие на себя функцию энфорсера в отсутствие государственного энфорсента, сокрушенного рынком и демократией с выборностью, так и не стали политическими структурами, оставшись на уровне мафии³⁰. Причин здесь множество. Но главная, как представляется, заключалась в том, что «крыши» при всей их многочисленности были локальным явлением. Любая попытка распространить свое влияние на соседнюю территорию легко блокировалась местными «крышами». Тайные сходки «воров в законе», на которых решались судьбы регионов и страны в целом, существовали лишь в пространстве кинематографа тех лет и массовой детективной литературы.

³¹ *См. Бляхер (ред.) 2001: 3—31.*

Как показывают эмпирические данные³¹, «крыши» полностью не контролировали даже отдельные локалы, поселения. «Крыша» (криминальная или просто теневая) контролировала «тему», наиболее прибыльное направление деятельности. Здесь она действительно выполняла функцию «стационарного бандита». В отношении же всего прочего ее агенты действовали в логике «бандита-гастролера». Да и легитимность (не говоря уже о легальности) этого энфорсера была довольно сомнительной. Отсюда и необходимость постоянно поддерживать свой авторитет силовыми акциями и сложными моральными обоснованиями («понятиями»).

В начале постсоветского периода подобного рода энфорсер вполне устраивал сверхмалый бизнес ларьков и стихийных рынков, однако уже к середине 1990-х его эффективность оказалась под вопросом. Не только агентам, волею судеб приватизировавшим целые отрасли бывшей советской экономики, но и гораздо более скромным приватизаторам лесопилок, рыболовных судов, торговых центров и т.д. понадобились вменяемые правила игры. За пределы отдельно стоящих ларьков вышел и малый бизнес.

Все эти хозяйствующие субъекты остро нуждались в ином энфорсере, способном поддерживать порядок (воспроизводимые и понятные нормы) на всей территории, а не только в «теме» и обеспечивать прохождение трансакций между территориями, городами, поселениями. Он должен был также обладать определенной степенью легальности, наделяя таковой и самих хозяйствующих субъектов. Последнее было

особенно важно в условиях расширения трансграничной (международной) торговли, превратившейся в наиболее выгодную форму бизнеса.

³² *Bliakher 2013.*

³³ *Люхтерхандт, Рыженков и Кузьмин 2001.*

Такими энфорсерами и стали региональные лидеры, руководители губернаторского уровня³². В зависимости от специфики хозяйственной жизни региона их роль, как и сама структура власти, различались. Где-то губернатор выполнял функцию энфорсера, где-то был скорее третейским судьей³³. Но для нас важнее, что именно он выступил агентом дальнейшей коммуникации-поиска, трансформирующей экономические, социальные, да и политические реалии страны. Направление поиска достаточно очевидно — требовалось «укротить Европу», свести воедино имевшиеся в наличии структуры, соединив их при этом с привычными и власти, и населению практиками Русской власти.

³⁴ *См. Кордонский 2006.*

В экономическом плане «региональные бароны» изобрели немного. По сути, они брали на вооружение техники, созданные в рамках экономики «крыш», но делали эти техники более легальными (поскольку сами были легальными фигурами), а тем самым и более эффективными. В отличие от классических «крыш», они уже организовывали транзакции в рамках всего региона и даже между регионами. Легализовали они и трансграничные контакты. Находившиеся на территории региона силовые структуры, отчасти сохранявшие советский облик, *de facto* были поставлены под контроль региональной власти. Само же взаимодействие с хозяйствующими субъектами было выстроено в логике административного рынка³⁴.

³⁵ *Бляхер (ред.) 2001: 19–20.*

Производимые «региональными баронами» порядок и легальность не столько предоставлялись за налоги, сколько покупались нуждающимися в них. Это резко снижало издержки контроля. Ведь, как заметил один из респондентов того периода, «взятодателей тогда было намного больше, чем взятобрателей, способных решить проблему»³⁵. Тот факт, что рядом с «региональным бароном» продолжали существовать «крыши», а на соседней территории действовали другие «региональные бароны», накладывал на цену услуги по производству порядка достаточно жесткие ограничения. Если эта цена становилась слишком высокой, бизнес мог вернуться в объятия «крыши» или перерегистрировать предприятие на другой территории. И то и другое наносило ущерб «региональному барону», заставляя его снижать цену с целью удержать «свой бизнес».

Распространение же производства порядка и легальности на территорию в целом было связано со стремлением легитимировать собственное положение. Ведь производить порядок можно было только находясь на вершине региональной «пищевой цепочки», при власти. Легитимация же, как мы помним, протекала путем прямых и всеобщих выборов.

Еще в середине десятилетия выборы региональной власти были остро конкурентными с неочевидным исходом. Лидеры соревновались в демонстрации своей любви к избирателям, осваивали новейшие технологии манипуляции общественным сознанием, учились контролировать

СМИ. Но уже во второй половине 1990-х годов началось «укрошение» выборов. Технологии остались, но постепенно была выработана новая и основная технология, связанная с явлением, которое я в свое время обозначил термином «презумпция виновности»³⁶.

³⁶ Бляхер 2003: 68. См. также Бляхер и Огурцова 2006.

Распавшаяся целостность советской эпохи и привнесенные в постсоветское пространство под действием трансценденции «цивилизованных стран» новые структуры, даже не будучи согласованы и объединены в новое целое, продолжали функционировать. Но их деятельность теперь осуществлялась в автономном режиме. Все уровни законодательной власти, в условиях ослабления иерархии ставшие автономными, активно конструировали нормы, все правоприменители разрабатывали собственные правила поведения и своих агентов, и контролируемых членов сообщества. В результате в кратчайший период сложилась ситуация, когда каждое социальное или хозяйственное действие регулировалось сразу несколькими нормами, которые зачастую противоречили друг другу, но прилагались к одному и тому же субъекту. Как следствие, последний оказывался в положении, когда любой его шаг мог быть сочтен преступным.

Если бы эти нормы начали действовать, всякая явная (не теневая) хозяйственная и социальная активность была бы заблокирована. Здесь и включался «региональный барон», контролировавший на тот момент правоприменение на территории. Возникало два типа нормативных актов — закон действующий (угроза) и закон применяемый (реализация угрозы)³⁷. Под угрозой находился любой агент, который на свою беду оказывался виден власти. Но реализовывалась угроза в случае, если действие или бездействие агента создавало риски для сохранения власти ее носителем.

³⁷ Панях 2003.

Это не значит, что региональная социальная политика прекратилась за ненадобностью. Напротив, она расцвела. Практически в каждом регионе, где сложился устойчивый режим власти «регионального барона», — от Москвы до Владивостока — функционировали многочисленные «губернаторские программы» поддержки критически важных в электоральном плане групп населения. Их объем зависел не столько от «доброты» или политических взглядов губернатора, сколько от финансовых возможностей региона. Но из электоральной процедуры были выведены все значимые оппоненты действующей власти, возможности реального финансирования оппозиционного кандидата практически сошли на нет. Контроль над региональными СМИ завершил «приручение» демократической, прежде всего электоральной, процедуры.

При этом само «приручение» процедуры, идущей от трансценденции («цивилизованных стран»), региональными лидерами обладало определенной легальностью и высоким уровнем легитимности. Дело в том, что губернаторы, как некогда феодальные владельцы церковных земель в Священной Римской империи, имели «двойную инвестицию». Помимо инвестиции всенародных выборов, была и инвестиция Москвы, федерального центра. Поскольку именно там (во всяком случае,

в 1990-е годы) находились лидеры модернизации и главный модернизатор — президент России, отсюда и определялось, насколько правильной была процедура *per se*.

В принципе, конфликт между Москвой и «региональным бароном» (как, например, в Приморье в середине 1990-х годов) был чреват для региона множеством неприятностей, включая проблемы с водоснабжением, электричеством, транспортом и т.д. (ведь естественные монополии контролировались федеральным центром). Однако уже во второй половине десятилетия обнаружилось, что «дружить» с регионами удобнее, чем конфликтовать, и для федеральной власти.

Причина не только в потенциальных издержках конфликта (хотя в них тоже), но и в том, что губернаторы оказались реальными владельцами электоральной машины. От них в основном зависело, как проголосует население региона за федерального политика, не поддержит ли оно оппонента креатуры Кремля и т.д. В этой ситуации федеральному центру было выгоднее закрыть глаза на не вполне легальные инициативы губернатора, легитимировав его как «настоящего» хозяина региона. Но такая легитимация из центра была крайне значима и для губернаторов.

Именно центр выступал для них тем трансцендентным пространством, в отношении которого они определяли и себя, и сами регионы. И именно благодаря такой «трансцендентной» санкции они обретали дистанцированность от населения и особый статус в своих регионах. Формально получая легитимацию от жителей в ходе выборов, не кто иной, как «региональный барон», политически оформлял региональное пространство. Но сделать это он мог только при наличии трансценденции — Москвы. Это обстоятельство связывало территорию страны гораздо надежнее, чем силовые структуры или будущие «скрепы». Правда, с позиций федерального центра ситуация выглядела иначе. Необходимость вести сложную и неодинаковую политику по отношению к различным регионам (федерализм) воспринималась центральной властью как угроза распада страны³⁸.

³⁸ Абдулатипов
1994.

Важно отметить, что сама политика губернаторов по отношению к федеральному центру достаточно сильно различалась в зависимости от адресата. Для внешнего применения существовала особая процедура административного торга, которую уместно назвать торговлей угрозами. Региональные властители объясняли своим федеральным коллегам, что регион беден, пуст, по той или иной причине (национализм, религиозный экстремизм и т.д.) находится на грани гибели и только действующий губернатор способен предотвратить катастрофу регионального, а то и федерального масштаба. Чем значимей и убедительней была угроза, чем более обоснована она была региональными учеными, растиражирована местными и центральными СМИ, тем больший объем полномочий получал «региональный барон». В регионах, где такие страшилки не удавалось сконструировать (как правило, расположенных близ столицы), населению оставалось только мигрировать.

Для внутренней аудитории разыгрывалась совсем иная пьеса. В каждом регионе имелаась одна или несколько «кормящих» отраслей, тот самый «свечной заводик», который и позволил территории более или менее благополучно пережить распад СССР и деградацию советской экономики. Во второй половине 1990-х годов страх утратить эти отрасли во многом определял социальное поведение периферии, причем далеко не только бизнеса и политического истеблишмента³⁹.

³⁹ Подробнее см. Бляхер 2017.

Ведь воспользоваться преференциями, предоставляемыми «губернаторской экономикой», можно было только находясь в регионе. Вплоть до середины «нулевых» годов владеть чем-либо в регионе из «прекрасного далека» было довольно трудно и неэффективно. И поскольку состоятельные люди жили в регионе (даже с Дальнего Востока в тот период уезжали в основном аутсайдеры, проигравшие), они инвестировали в него. Не столько от широты души, сколько для обеспечения себе минимально комфортных условий жизни. Они строили дома и дороги, при их участии открывались частные школы (детей-то учить надо) и клиники (с каждым насморком в Москву или за рубеж не слетаешь). Но дорогами, частными школами и клиниками и т.д. пользовались гораздо более широкие слои, нежели сами представители хозяйственной элиты. Да и «губернаторские программы» оплачивал тот же местный бизнес. В рамках этих программ, как и в деятельности самих владельцев этого бизнеса, восстанавливалась раздача — привычный и понятный образ мира. «Шальные» богачи (бандиты и воры) сходили со сцены, а к «кормящим» отраслям допускались правильные люди, часто с советским бэкграундом, понимающие свою социальную ответственность. Губернаторские щедроты тоже распределялись совсем не случайно.

Здесь и возникала идеологема для «внутреннего применения». Есть злонамеренный федеральный центр, стремящийся отнять у региона «кормящую» его отрасль. Но на его пути стоит губернатор, защищающий территорию и населяющих ее людей. Порой такое противостояние действительно имело место, порой было надуманным. Но в нашем случае это не существенно. Важно то, что подобного рода «защита» делала губернатора народным, легитимируя его власть над регионом. Дальнейшие выборы превращались в плебисцит, подтверждающий союз между населением и губернатором, представляющим его на федеральной сцене, отстаивающим его интересы перед лицом Москвы.

В реальности отношения между федеральной властью и регионами строились на системе неформальных договоренностей, включая в себя и административный торг, и «покупку» услуг энфорсера там, где губернатор просто не мог их оказать. Ведь финансовая и транспортная система, вооруженные силы и многое другое оставались под контролем центра. Выступал он и третейским судьей в спорах между регионами, а позже — между регионом и его столицей, обретшей по Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 ноября 2003 г. относительную самостоятельность. Оплачивались эти услуги за счет части доходов региональных

экономик. Но все же более значимым ресурсом губернаторов в торге с центром было согласие предоставить свои электоральные машины для федеральных выборов.

В результате сформировалась специфическая политическая структура, поддерживаемая не столько официальными и оформленными в законах нормами, сколько сложной системой договоров, торга, уступок и компромиссов между регионами и федеральным центром. Именно в рамках этой структуры удалось соединить требования новой трансценденции (рынок, выборы, многопартийность и т.д.) и практики Русской власти (дистанцированность власти, трансцендентная санкция, раздача), «приручить» Европу.

**Отторжение
Европы
и рождение
«лихих
девяностых»**

Строго говоря, календарные 1990-е годы на этом заканчиваются. Но не заканчиваются «длинные девяностые». Наступает их итоговый этап, когда созданные на уровне регионов инструменты «приручения» демократии начинают транслироваться на федеральный уровень. Стабилизация права в конце 1990-х годов снижает эффективность и возможности применения «презумпции виновности» в масштабах регионов. Зато то обстоятельство, что власть «региональных баронов» имела серьезный «теневой» пласт, позволяет распространить «презумпцию виновности» на них.

Наверное, здесь можно было бы поставить точку и констатировать переход от анализа девяностых к анализу их последствий. Как правило, именно так и происходит в исследовательских текстах⁴⁰. Однако при разговоре об учреждении политики точка постоянно стремится превратиться в запятую. Процесс поиска-приспособления продолжается, продолжается и учредительная эпоха.

⁴⁰ См., напр. Вебер 2012.

Контроль центральной власти над губернаторским корпусом, отчетливо фиксируемый с середины первого десятилетия XXI в., возник не одномоментно. Давление центра нарастало постепенно. Перераспределялись финансовые потоки, уменьшались полномочия региональных лидеров (тоже не сразу и не повсеместно). Тем не менее роль губернаторов на этом, последнем отрезке «длинных девяностых» все еще была существенной. Они оставались распорядителями электоральной машины, а выборы продолжали быть главным легитимирующим действием в складывавшейся политической системе. В связи с этим именно губернаторы несли ответственность за социальную политику в регионе.

Правда, здесь уже возникали сложности. Если раньше инвестиции бизнеса в социальную политику имели вполне прагматический смысл, вели к снижению налогов и получению тех или иных преференций, то теперь ситуация медленно, почти незаметно менялась. Число и качество тех важных для бизнеса «продуктов» (порядок, легальность, энфорсмент, льготы), которые мог «продать» ему «региональный барон», еще недавно бывший чуть ли не монопольным их держателем, сокращалось.

Федеральным структурам, прежде всего контролирующим и силовым, напомнили, что они федеральные, а мэрам региональных столиц дали основания для начала долгого противостояния с губернаторами. Но сам принцип, что именно губернатор отвечает за социальное самочувствие населения территории, сохранился. Тем самым губернаторы подталкивались к «тени», принуждались к поиску «средств на месте», что, в свою очередь, усиливало «презумпцию виновности» (которая пока применялась селективно).

Важно и то, что новая властная группа, сложившаяся в начале нового века, хотя и в смысловом пространстве девяностых, принципиально отличалась от своих предшественников. Образующие ее акторы не были участниками неформальных договоренностей в системе «центр — регионы», не выступали легитиматорами региональной власти. Не были они и так зависимы от «цивилизованных стран». Их легитимность изначально была гораздо больше связана с Чеченской войной, нежели с «цивилизованным миром». Если для прежней властной группы угроза распада страны выполняла примерно ту же функцию, что «исламский экстремизм» для Татарстана или «желтая экспансия» для востока России, то есть выступала элементом торга между центром и регионами, то для новых властей это была реальная угроза. Причем в качестве главного ее источника на том этапе рассматривались именно региональные власти, федерализм. На решение этой проблемы и были направлены такие меры, как сокращение объема полномочий губернаторов, отмена их выборности и введение псевдоправовой категории «утрата доверия президента» в качестве основания для отрешения их от должности. Легитимация региональной власти перестала быть двойной. В рамках выстраиваемой «вертикали власти» региональные руководители постепенно превратились в не особенно влиятельных чиновников среднего звена.

Все услуги энфорсера также были перенесены на федеральный, по сути, уже имперский уровень. Взлет в середине «нулевых» годов цен на нефть завершил процесс. Участие в региональной экономике стало для местного бизнеса намного менее выгодным, чем приобщение к новым сырьевым доходам государства. Начался дрейф регионального бизнеса в сторону вертикально интегрированных холдингов и госмонополий. Только в таком виде регионалы могли рассчитывать хоть на какую-то долю гигантского федерального пирога. В этих условиях пребывание в регионах утратило смысл, и в первую очередь для прежних спонсоров губернаторской социальной политики.

Губернаторская социальная политика уступает место социальной политике центра, причем с точки зрения финансовых показателей гораздо более щедрой. На смену «кормящим» отраслям губернаторской экономики приходят мегапроекты федерального уровня. Казалось бы, восстанавливается классическая модель раздачи, о которой писалось выше. Основу раздачи составляют нефтегазовые и иные сырьевые сверхдоходы, а положение в «вертикали власти» и степень лояльности («социальной ответственности») определяют размер тех благ, на которые

может претендовать тот или иной агент. Но здесь всплывает неожиданная проблема.

На закате девяностых, даже получая доходы исключительно из бюджетных и связанных с центральным бюджетом структур, губернаторы продолжали следовать прежней модели организации экономической жизни. Но если лидеры губернаторской экономики, да и большая часть менеджмента крупнейших предприятий, знали друг друга лично и, следовательно, могли строить отношения на доверии, то резонов доверять регионалам у далекого центра не было совсем. Тем более что практики губернаторской экономики с позиции центра трактовались однозначно — криминал и коррупция⁴¹. Соответственно, началось усиление контроля, а с ним — и контролирующих служб. Но чтобы такие службы не вступили в преступный сговор с криминалом и коррупцией, им требовалось адекватное наполнение. Кроме того, их тоже нужно было контролировать. В результате аппарат контроля становился все более разветвленным, дорогостоящим и все менее подконтрольным политическому руководству. Жесткий контроль (точнее, издержки контроля в сфере экономики) делал «кормившие» прежде отрасли ограниченно рентабельными⁴².

⁴¹ Арсланова 2012.

⁴² Бляхер 2017: 46—49.

После краткого периода равновесия, именуемого «тучными нулевыми», ситуация вновь переходит в хаотическую. Все более дорогое государство, стремящееся воплотить идеалы дирижизма, сокращающиеся доходы от экспортных отраслей порождают необходимость нового поиска. При этом, как и в девяностые, ищут и центр, и регионы, и сами контролирующие (силовые) структуры, все заметнее превращающиеся в автономных агентов. Но это скорее инструментальные проблемы, хотя постепенно они перерастают в политические⁴³.

⁴³ Бляхер и Ковалевский 2020.

Еще более сложную эволюцию претерпевает собственно политика. «Цивилизованные страны» все меньше устраивают складывающуюся власть в качестве трансцендентного источника истинных смыслов. Эта трансценденция не предполагает ни дистанцированности власти, ни монополии на выработку критериев цивилизованности, ни даже права на раздачу и контроль над ее реализацией. «Мюнхенская речь» Владимира Путина⁴⁴ de facto ставит точку в существовании легитимирующей трансценденции «цивилизованных стран».

⁴⁴ Марков 2019.

Но проблему поиска трансцендентного основания политики это не сняло. Напротив, именно в тот момент она и встала с максимальной силой. Достаточно четко прослеживаются попытки выстроить легитимирующую трансценденцию с властью-посредником из православия, консерватизма (традиционных ценностей) и даже эксгумации СССР⁴⁵. Каждая из этих попыток имела определенный политический резонанс, анализ которого выходит за рамки настоящей статьи, но легитимирующей властью трансценденции так и не породила. Пожалуй, самым устойчивым источником легитимности власти оказались «лихие (страшные, кризисные) девяностые». Основой «путинского консенсуса» стали аутсайдеры той эпохи.

⁴⁵ Мишурков 2015.

Это не только и не столько многочисленные группы бюджетников, которые уже как-то приспособились к изменениям. В эту группу входят и властители дум времен горбачевской перестройки, и привилегированные работники Академии наук, и изрядная доля федеральных чиновников, и, главное, значительная часть силовиков, чья функция энфорсеров, по сути, была отнята сначала «крышами», а затем «региональными баронами». Эти группы и конструируют образ девяностых с такими неотъемлемыми его составляющими, как разгул преступности, нищета, повальная коррупция, угроза распада страны и тотальное унижение⁴⁶. Пространство творящего, креативного хаоса превращается в хаотическое пространство, которому и противостоит новая власть, в масштабах страны воссоздающая «правильную» задачу.

⁴⁶ Малинова 2018.

Но новая власть, экономическая составляющая которой существенно ослабла к концу рассматриваемого периода, так и не смогла построить свое трансцендентное основание. Она остается не пограничным или трансцендентным, а поюсторонним феноменом в гораздо большей степени, нежели власть центра во времена президентства Ельцина или власть «региональных баронов». В условиях отсутствия трансцендентной легитимации Русская власть и трансформируется в Систему РФ в трактовке Глеба Павловского⁴⁷. Наверное, в этом можно усмотреть итог девяностых. Но можно увидеть и свидетельство того, что учреждение российской политики продолжается, как продолжается и учредительная эпоха.

⁴⁷ Павловский 2014.

Библиография

Абдулатипов Р.Г. (1994) *Власть и совесть: Политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени*. М.: Славянский диалог.

Алексеевкова Е.С. (2006) «О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия)» // *Полития*, № 4 (43): 6—21. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeenkova-2006-4.pdf (проверено 25.05.2021).

Арсланова Х. Д. (2012) «Коррупция как сдерживающий фактор развития экономики региона» // *Региональные проблемы преобразования экономики*, № 4: 124—127.

Бахтин М.М. (1986) *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.

Бессонова О.Э. (2006) *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: РОССПЭН. URL: http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/b2006/Bessonova_RER_2006.pdf (проверено 25.05.2021).

Бляхер Л.Е. (2003) «Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры» // *Политические исследования*, № 1: 63—73. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2003/1/Polis-2003-1-Blyaher.pdf> (проверено 25.05.2021).

Бляхер Л.Е. (2005) *Нестабильные социальные состояния*. М.: РОССПЭН.

Бляхер Л.Е. (2017) *Стратегии выживания в условиях кризиса: предприниматели Дальнего Востока и не только*. М.: Страна Оз.

Бляхер Л.Е. и А.В.Ковалевский. (2020) «Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах)» // *Полития*, № 4 (99): 108—136. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-108-136.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-108-136.pdf) (проверено 25.05.2021).

Бляхер Л.Е. и Т.Л.Огурцова. (2006) «Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 53—66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (проверено 25.05.2021).

Бляхер Л.Е., ред. (2001) *Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса: На примере мелких предпринимателей и самозанятых*. М.: МОНФ.

Вебер А.Б. (2012) «Россия перед инновационным вызовом: опыт „нулевых“ годов» // Горшков М.К., ред. *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 11. М.: Новый хронограф: 82—105.

Волков В.В. (2005) *Силовое предпринимательство: Экономико-социологический анализ*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Гуров М.П. и М.А.Квитчук. (2007) «Теневая экономика и деструкция государства: проблема обеспечения экономической безопасности» // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, № 3: 6—9.

Дахин А.В. (2018) «Политическая система России на шкале политических эпох» // Гаман-Голутвина О.В., Л.В.Сморгунов и Л.Н.Тимофеева, ред. *Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов*. М.: Аспект-Пресс: 163.

Зими́на Т.В. (2004) «Артель как форма внутрипроизводственной демократии» // *ЭКО: Всероссийский экономический журнал*, № 5: 161—177.

Зоммербауэр Ю. (2018) «Девяностые в России: десять трудных лет свободы» // *ИноСМИ.ру*, 31.01. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180131/241336133.html> (проверено 25.05.2021).

Капустин Б.Г. (2010) «О предмете и употреблении понятия „революция“» // Капустин Б.Г. *Критика политической философии: Избранные эссе*. М.: Территория будущего: 120—139.

Каспэ С.И. (2007) *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований.

Каспэ С.И. (2008) «Содружество варварских королевств: независимые государства в поисках империи» // *Полития*, № 1 (48): 17—26. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2008-1.pdf (проверено 25.05.2021).

Каспэ С.И. (2021) «Девяностые: учреждение политики» // *Полития*, № 3 (102): 40—71.

Клисторин В.И. (2014) «„Лихие девяностые“ глазами экономиста» // *ЭКО: Всероссийский экономический журнал*, № 10: 181—189. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/870/535> (проверено 25.05.2021).

Кордонский С.Г. (2006) *Рынки власти: Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ. URL: <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/kordonsky.org/01.pdf> (проверено 25.05.2021).

Кордонский С.Г., Ю.М.Плюснин, Ю.А.Крашенинникова, А.Р.Тукаева, О.М.Моргунова, Д.Э.Ахунов и Д.В.Бойков. (2011) «Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания)» // *Мир России: Социология, этнология*, т. 20, № 1: 3—33. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5069/5419> (проверено 25.05.2021).

Любичанковский С.В. (2018) «„Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас“: „Лихие девяностые“ глазами очевидцев» // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета*, № 1 (25): 111—121. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf (проверено 25.05.2021).

Люхтерхандт Г., С.Рыженков и А.Кузьмин. (2001) *Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области*. М.: ИГПИ; СПб.: Летний сад.

Малинова О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45—69. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3364/malinova.pdf> (проверено 25.05.2021).

Малинова О.Ю. (2019) «Конструирование смысловых рамок памяти о реформах 1990-х гг. в либеральном дискурсе 2000-х гг.» // *Южно-российский журнал социальных наук*, т. 20, № 3: 91—105.

Марков Е.А. (2019) «Истоки конфронтации со странами Запада и мюнхенская речь Владимира Путина» // *Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки*, № 1: 104—113. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/ff7/12-%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2_104-113.pdf (проверено 25.05.2021).

Мишучков А.А. (2015) «Традиционные ценности в глобализирующемся мире» // *Вестник Оренбургского государственного университета*, № 3 (178): 65—71. URL: http://vestnik.osu.ru/2015_3/12.pdf (проверено 25.05.2021).

Мунтян М.А. (1993) *Россия в третьей цивилизационной революции*. М.: Луч.

Назарбаев Н.А. (1993) *Идейная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана*. Алматы: ФПИ «Казахстан XXI в.»

Назаров М.М. (1992) «Типы политического сознания (Москва, середина 1991 г.)» // *Социологические исследования*, № 6: 64—71. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/086/067/1217/007.NAZAROV.pdf> (проверено 25.05.2021).

Олсон М. (2010) «Диктатура, демократия и развитие» // *Экономическая политика*, № 1: 167—183. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/22/1251382788/13.pdf> (проверено 25.05.2021).

Павловский Г.О. (2014) *Система РФ в войне 2014 года: De Principatu Debili*. М.: Европа.

Панеях Э.Л. (2003) «Неформальные институты и формальные правила: закон действующий vs. закон применяемый» // *Политическая наука*, № 1: 33—52.

Пивоваров Ю.С. (2000) «Русская власть и исторические типы ее осмысления» // *Полития*, № 4 (18): 5—37. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2000\(4\)-5-37.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2000(4)-5-37.pdf) (проверено 25.05.2021).

Рожанский М.Я. (2013) «Октябрь 1993 года: „огонь по регионам“» // *Современная Россия*, № 11. URL: <https://russie.hypotheses.org/1359> (проверено 30.05.2021).

Солник С. (1995) «Торг между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990—1995» // *Полит. Политические исследования*, № 6: 95—108.

Хинтиikka Я. (1980) *Логико-эпистемологические исследования*. М.: Прогресс.

Чмель К.Ш., А.М.Климова и Е.М.Митрохина. (2020) «Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес» // *Журнал исследований социальной политики*, т. 18, № 1: 83—98.

Balsamo W. and J.Carpozi. (1988) *The Mafia: The First 100 Years*. London: W.H.Allen.

Bliakher L.E. (2013) «The Regional Barons» // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30—39.

Kaspe S.I. (2020) «This Is not a Centre: Post-Soviet States in the Quest for Political Values» // Filippov A.F., N.Hayoz, and J.Herlth, eds. *Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space: Relevance and Meanings of a Classical Distinction*. Bern: Peter Lang: 43—61.

ПОЛИТИЯ

⁴⁸ The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and Foundation “For Russian Language and Culture” (FRLC). Project No. 21-512-23004.

L.E.Bliakher
**RUSSIA, THE 1990s:
 METAMORPHOSES
 OF THE EMERGING POLITY⁴⁸**

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor; Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Abstract. The article attempts to examine the era of the 1990s through the prism of communication in the system “center — regions”. The author interprets the epoch itself as a special, chaotic state of affairs. The political structures and instruments inherited by the new Russia from the Soviet times did

not disappear, but lost their foundation (which corresponded to the model of Russian power described by Yuri Pivovarov), transformed into the mode of an autonomous drift along unauthorized trajectories. The new foundation (“the path of civilized countries”) came into conflict with the structures and instruments themselves. The situation was exacerbated by the fact that the rejection of that foundation deprived the political center of its legitimacy, since it was perceived and legitimized as a driver of the transition from socialism into the world of “civilized countries”. The article shows that it was the space of dialogue (bargaining) between the center and the regions that combined the principles of the Russian power and a new legitimizing foundation stemming from the “civilized countries”.

The author identifies three stages of such a dialogue. During the first stage, there was no adaptation, and the dialogue ended with a violent confrontation. As a result, two parallel realities emerged — the reality of legal norms and declarations and the reality of survival. The second stage, labeled by the author as “taming Europe”, witnessed democratic procedures uniting with the practices of the Russian power and recreation of the distributive economy at the regional level. At the same time, the dual legitimacy of the regional rulers — from the regional community and from the federal center — bound the country’s territory much stronger than enforcement agencies or future “spiritual staples”. The last stage, which is usually considered to take place after the 1990s, is associated with the transfer of practices that have developed in the regions to the center. However, according to the author’s conclusion, this is not the end of the constituent era and the formation of the polity, but a continuation of the quest.

Keywords: polity, constituent era, transcendental foundations, chaos, communication-quest, Russian power, 1990s

References

- Abdulatipov R.G. (1994) *Vlast' i sovest': Politiki, ljudi i narody v labirintakh smutnogo vremeni* [Power and Conscience: Politicians, People and Nations in the Labyrinths of the Time of Troubles]. Moscow: Slavjanskij dialog. (In Russ.)
- Alekseenkova E.C. (2006) “O kognitivnoj prirode vlasti (ili o tom, kak sootnosjatsja vlast' i demokratija) // *Politeia*, no. 4 (43): 6–21. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Alexeenkova-2006-4.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)
- Arslanova H.D. (2012) “Korrupsija kak sderzhivajushchij faktor razvitiya ekonomiki regiona” [Corruption as a Restraining Factor of Economic Development of a Region] // *Regional'nye problemy preobrazovanija ekonomiki* [Regional Problems of Transforming the Economy], no. 4: 124–127. (In Russ.)
- Bakhtin M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
- Balsamo W. and J.Carpozi. (1988) *The Mafia: The First 100 Years*. London: W.H.Allen.

Bessonova O.E. (2006) *Razdatochnaja ekonomika Rossii: Evoljutsija cherez transformatsii* [Handout Economy of Russia: Evolution through Transformation]. Moscow: ROSSPEN. URL: http://razdatok.narod.ru/BESSONOVA/b2006/Bessonova_RER_2006.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Bliakher L.E. (2005) *Nestabil'nye sotsial'nye sostojanija* [Unstable Social Conditions]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Bliakher L.E. (2013) “The Regional Barons” // *Russian Politics and Law*, vol. 51, no. 4: 30–39.

Bliakher L.E. (2017) *Strategii vyzhivaniya v uslovijakh krizisa: O dal'nevostochnykh predprinimatel'jakh i ne tol'ko* [Survival Strategies in Crisis Situation: On Far East Entrepreneurs and Not Just on Entrepreneurs]. Moscow: Strana OZ. (In Russ.)

Bliakher L.E. and A.V.Kovalevsky. (2020) “Chto eto bylo? (Predvaritel'naja refleksija o khabarovskikh mitingakh)” [What Was It? (Preliminary Reflection on Khabarovsk Rallies)] // *Politeia*, no. 4 (99): 108–136. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4\(99\)-108-136.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-4(99)-108-136.pdf) (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Blyakher L.E., ed. (2001) *Izmenenie povedenija ekonomicheski aktivnogo naselenija v uslovijakh krizisa: Na primere melkikh predprinimatelej i samozanjatykh* [Changes in Behavior of the Economically Active Population under Crisis Conditions: The Case of Small Entrepreneurs and Self-Employed]. Moscow: MONF. (In Russ.)

Blyakher L.Ye. (2003) “Vlastnye igry v krizisnom sotsiume: preobrazovanie rossijskoj institutsional'noj struktury” [Power Games in a Crisis-Stricken Socium: Transformation of the Russian Institutional Structure] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 63–73. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2003/1/Polis-2003-1-Blyakher.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Blyakher L.Ye. and T.L.Ogurtzova. (2006) “Priključenja legitimnosti vlasti v Rossii, ili Vossozdanie prezumptsii vinovnosti” [Adventures of Power Legitimacy in Russia, or Reviving of the Presumption of Culpability] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 53–66. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/3/Polis-2006-3-Blyakher-Ogurtsova.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Chmel K.Sh., A.M.Klimova, and E.M.Mitrokhina. (2020) “Politizatsija ekologicheskogo diskursa v Arkhangel'skoj oblasti na primere stroitel'stva musornogo poligona okolo stantsii Shies” [Politicization of Environmental Discourse in the Arkhangelsk Region on the Example of the Construction of a Landfill near the Shies Station] // *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 18, no. 1: 83–98. (In Russ.)

Dakhin A.V. (2018) “Politicheskaja sistema Rossii na shkale politicheskikh epokh” [The Political System of Russia on the Scale of Political Epochs] // Gaman-Golutvina O.V., L.V.Smorgunov, and L.N.Timofeeva, eds. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoj porjadok: Materialy 8 Vserossijskogo*

kongressa politologov [Development Policy, the State and the World Order: Materials of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists]. Moscow: Aspekt-Press: 163. (In Russ.)

Gurov M.P. and M.A.Kvitchuk. (2007) “Tenevaja ekonomika i destruktivnaja gosudarstva: problema obespechenija ekonomicheskoj bezopasnosti” [Shadow Economy and Destruction of State: the Problem of Ensuring Economic Security] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the St Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 3: 6–9. (In Russ.)

Hintikka J. (1980) *Logiko-epistemologicheskie issledovanija* [Logical-Epistemological Studies]. Moscow: Progress. (In Russ.)

Kapustin B.G. (2010) “O predmete i upotreblenijakh ponjatija „revoljutsija“” [On the Subject Matter and Uses of the Concept of Revolution] // Kapustin B.G. *Kritika politicheskoj filosofii: Isbrannye esse* [Criticism of Political Philosophy: Selected Essays]. Moscow: Territorija budushchego: 120–139. (In Russ.)

Kaspe S.I. (2007) *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma* [Centers and Hierarchies: The Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form]. Moscow: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij. (In Russ.)

Kaspe S.I. (2008) “Sodruzhestvo varvarskikh korolevstv: nezavisimye gosudarstva v poiskakh imperii” [Commonwealth of Barbarian Kingdoms: Independent States in Search of Empire] // *Politeia*, no. 1 (48): 17–26. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Kaspe-2008-1.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Kaspe S.I. (2020) “This Is not a Centre: Post-Soviet States in the Quest for Political Values” // Filippov A.F., N.Hayoz, and J.Herlth, eds. *Centres and Peripheries in the Post-Soviet Space: Relevance and Meanings of a Classical Distinction*. Bern: Peter Lang: 43–61.

Kaspe S.I. (2021) “Devjanostye: uchrezhdenie politii” [The Nineties: Establishment of Polity] // *Politeia*, no. 3 (102): 40–71. (In Russ.)

Klistorin V.I. (2014) “„Likhie devjanostye“ glazami ekonomista” // *EKO: Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal* [ECO Journal], no. 10: 181–189. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/870/535> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Kordonsky S.G. (2006) *Rynki vlasti: Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow: OGI. URL: <https://s3-eu-west-1.amazonaws.com/kordonsky.org/01.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Kordonsky S.G., Yu.M.Plusnin, Yu.A.Krashenninnikova, A.R.Tukaeva, O.M.Morgunova, D.E.Akhunov, and D.V.Boykov. (2011) “Rossijskaja provincija i ee obitateli (opyt nabljudenija i popytka opisanija)” [Russian Province and Its Inhabitants (a Case of Observation and Its Tentative Description)] // *Mir Rossii: Sotsiologija, etnologija* [Universe of Russia: Sociology. Ethnology], vol. 20, no. 1: 3–33. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5069/5419> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Lyubichankovsky S.V. (2018) „Takie vremena ne vybral by dlja sebja niko iz nas“: „Likhie devjanostye“ glazami ochevidtsev” [“These Are Times None of Us Would Have Chosen for Ourselves”: “Dashing Nineties” through the Eyes of Beholders] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University], no. 1 (25): 111–121. URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Lyukhterkhandt G., S.Ryzhenkov, and A.Kuzmin. (2001) *Politika i kul'tura v rossijskoj provintsii: Novgorodskaja, Voronezhskaja, Saratovskaja, Sverdlovskaja oblasti* [Politics and Culture in the Russian Province: Novgorod, Voronezh, Saratov, Sverdlovsk Regions]. Moscow: IGPI; St Petersburg: Letnij sad. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “the Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no 3: 45–69. URL: <http://inion.ru/site/assets/files/3364/malinova.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2019) “Konstruirovanie smyslovykh ramok pamjati o reformakh 1990-kh gg. v liberal'nom diskurse 2000-kh gg.” [Constructing the Semantic Framework of the Memory of the Reforms of the 1990s in the Liberal Discourse of the 2000s] // *Yuzhno-rossijskij zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], vol. 20, no. 3: 91–105. (In Russ.)

Markov E.A. (2019) “Istoki konfrontatsii so stranami Zapada i mjunkhenskaja rech' Vladimira Putina” [The Origins of Confrontation with Western Countries and Vladimir Putin’s Munich Speech] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Serija: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [IKBFU’s Vestnik. The Humanities and Social Science], no. 1: 104–113. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/f7/12-%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2_104-113.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Mishuchkov A.A. (2015) “Traditsionnye tsennosti v globalizirujushchemsja mire” [Traditional Values in a Globalizing World] // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], no. 3 (178): 65–71. URL: http://vestnik.osu.ru/2015_3/12.pdf (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Muntyan M.A. (1993) *Rossija v tret'ej tsivilizatsionnoj revoljutsii* [Russia in the Third Civilizational Revolution]. Moscow: Luch. (In Russ.)

Nazarbaev N.A. (1993) *Idejnaja konsolidatsija obshchestva — kak uslovie progressa Kazakhstana* [Ideological Consolidation of Society as a Condition for the Progress of Kazakhstan]. Almaty: FPI “Kazakhstan 21 v.” (In Russ.)

Nazarov M.M. (1992) “Tipy politicheskogo soznaniya (Moskva, sredina 1991 g.)” [Types of Political Consciousness (Moscow, Mid-1991)] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 6: 64–71. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/086/067/1217/007.NAZAROV.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Olson M. (2010) “Diktatura, demokratija i razvitie” [Dictatorship, Democracy and Development] // *Ekonomicheskaja politika* [Economic Policy], no. 1: 167—183. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/11/22/1251382788/13.pdf> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Paneyakh E.L. (2003) “Neformal’nye instituty i formal’nye pravila: zakon dejstvujushchij vs. zakon primenjaemyj” [Informal Institutions and Formal Rules: the Law in Force versus the Applicable Law] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 1: 33—52. (In Russ.)

Pavlovsky G.O. (2014) *Sistema RF v vojne 2014 goda: De Principatu Debili* [The RF System in the War of 2014: De Principatu Debili]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Pivovarov Yu.S. (2001) “Russkaja vlast’ i istoricheskie tipy ee osmyslenija” [Russian Power and Historical Types of Its Comprehension] // *Politeia*, no. 4 (18): 5—37. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2000\(4\)-5-37.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2000(4)-5-37.pdf) (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Rozhansky M.Ya. (2013) “Oktjabr’ 1993 goda: „ogon’ po regionam“” // *Sovremennaja Rossija* [Contemporary Russia], no. 11. URL: <https://russie.hypotheses.org/1359> (accessed on 30.05.2021). (In Russ.)

Solnik S. (1995) “Torg mezhdru Moskvoy i sub”ektami Federatsii o strukture novogo Rossijskogo gosudarstva: 1990—1995” [The Bargaining between Moscow and the Federation Subjects over the Structure of the New Russian State: 1990—1995] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95—108. (In Russ.)

Sommerbauer J. (2018) “Devjanostye v Rossii: desjat’ trudnykh let svobody” [Russlands Neunziger: Die zehn schwierigen Jahre der Freiheit] // *Ino.SMI.ru*, 31.01. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180131/241336133.html> (accessed on 25.05.2021). (In Russ.)

Veber A.B. (2012) “Rossija pered innovatsionnym vyzovom: opyt „nulevykh“ godov” [Russia Faces an Innovative Challenge: Experience of the 2000s] // Gorshkov M.K., ed. *Rossija reformirujushchajasja: Ezhegodnik* [Russia in Reforming Process: Yearbook]. Issue 11. Moscow: Novyj khronograf: 82—105. (In Russ.)

Volkov V.V. (2005) *Silovoe predprinimatel’stvo: Ekonomiko-sotsiologicheskij analiz* [Power Entrepreneurship: Economic and Sociological Analysis]. Moscow: Izdatel’skij dom GU VShE. (In Russ.)

Zimina T.V. (2004) “Artel’ kak forma vnutriproizvodstvennoj demokratii” [Artel as a Form of Intra-production Democracy] // *EKO: Vse-rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [ECO Journal], no. 5: 161—177. (In Russ.)